

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.948

Критерии определения момента начала течения срока исковой давности

¹ Дахов Ю.В.,
¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: работа посвящена анализу критерииев определения момента начала течения срока исковой давности, применяемых в законодательстве и судебной практике. Автор анализирует общий критерий в виде осведомленности истца о факте нарушения его прав, отмечая его недостаточность, что в определенных ситуациях приводило к принятию судами несправедливых решений о признании истца пропустившим срок исковой давности. В работе обосновывается, что, в связи с этим законодательством и судами были разработаны дополнительные критерии, на основании которых определяется начало течения давностного срока, а именно – известность истцу личность ответчика и наличие возможности точного определения размера исковых требований. Автором обосновывается, что тенденция по разработке новых критерииев определения начала течения срока исковой давности обусловлена генерализацией общего принципа, согласно которому исковая давность не применяется к лицам, не способным предъявить иск. Также в работе содержатся замечания и предложения относительно дальнейшего развития системы таких критерииев, отмечается необходимость их закрепления на уровне закона или разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: исковая давность, критерии начала давности, субъективный элемент давности, начало течения давности, осведомленность истца, неприменение срока давности, невозможность предъявления иска

Для цитирования: Дахов Ю.В. Критерии определения момента начала течения срока исковой давности // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 134 – 138.

Поступила в редакцию: 14 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Criteria for determining the beginning of the limitation period

¹ Dakhov Yu.V.,
¹ Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article is devoted to the analysis of criteria for determining the moment of the beginning of the limitation period, applied in legislation and judicial practice. The author analyzes the general criterion in the form of the plaintiff's awareness of the fact of violation of his rights, noting its insufficiency, which in certain situations led to the courts making unfair decisions to recognize the plaintiff as having missed the statute of limitations. The paper substantiates that, in this regard, the legislature and the courts have developed additional criteria on the basis of which the beginning of the limitation period is determined, namely, the identity of the defendant and the possibility of accurately determining the amount of the claims. The author substantiates that the tendency to develop new criteria for determining the beginning of the limitation period is due to the generalization of the general principle that the limitation period does not apply to persons who are unable to file a claim. The paper also contains comments and suggestions on the further development of the system of such criteria, noting the need to consolidate them at the level of law or clarifications from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: limitation period, the criteria for the beginning of the limitation period, the subjective element of the limitation period, the beginning of the limitation period, the plaintiff's awareness, the non-application of the limitation period, the impossibility of filing a claim

For citation: Dakhov Yu.V. Criteria for determining the beginning of the limitation period. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 134 – 138.

The article was submitted: April 14, 2025; Approved after reviewing: June 12, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Цель исследования – изучение установленных законом и применяемых в судебной практике критериев определения момента начала течения срока исковой давности

Задачи – на основе анализа научной литературы, законодательства и судебной практике выявить применяемые в российском гражданском праве критерии, на основании которых определяется момент начала течения срока исковой давности, выявив их содержание и обоснованность их применения.

Гипотеза – общепризнанным критерием определения момента начала течения срока исковой давности является критерий осведомленности управомоченного лица о факте нарушения его прав. В то же время недостаточность данного критерия сподвигла законодателя и суды к разработке новых критериев, среди которых – знание истца о личности ответчика и наличие возможности с точностью определить размер притязаний. Появление новых критериев обусловлено генерализацией принципа неприменения исковой давности к лицам, не имеющим возможности обратиться за судебной защитой.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, отечественного и иностранного законодательства.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная литература, материалы судебной практики.

Результаты и обсуждения

Срок исковой давности является классическим для частного права механизмом обеспечения стабильности и предсказуемости в правоотношениях за счет исключения существования споров по прошествии длительного периода времени, с истечением которого, как правило, связывается уничтожение юридически значимых доказательств и формирование у участников оборота обоснованных ожиданий о том, что спор исчерпан [1].

При этом классическое воззрение на конструкцию исковой давности основывается на необходимости установления критериев, с которыми связывается определение момента начала течения срока исковой давности. В подавляющем большинстве случаев определение такого момента связывается с осведомленностью управомоченного лица (потенциального истца) о факте нарушения его прав и интересов – очевидно, что после получения такого рода информации потерпевшим должны предприниматься меры по защите своих прав, что оправдывает установление такого срока именно с момента субъективной осведомленности лица о состоявшемся нарушении его прав [2].

В то же время, по мере усложнения общественных отношений и приумножения практических примеров, выявивших недостаточность использования лишь одного критерия осведомленности управомоченного лица о факте нарушения его прав, наука и законодательство продемонстрировали процесс обогащения данными критериями, что привело к совершенствованию института исковой давности усложнению механизма запуска течения срока исковой давности в целом.

В частности, в ходе многочисленной правоприменительной практики выявлялись ситуации, свидетельствующие о несправедливости исчисления срока исковой давности в период времени, когда истцу не была известна личность надлежащего ответчика.

Например, некоторые арбитражные суды, несмотря на отсутствие (на тот период времени) в законе прямого указания на критерий известности личности ответчика, справедливо приходили к выводу *contra legem* о том, что срок исковой давности не начинает свое течение до того момента, пока истцу неизвестен ответчик (нарушитель права), поскольку до этого момента защита прав в порядке искового производства невозможна [3]. Вместе с тем существовали и прямо противоположные судебные акты, в которых суды приме-

няли исковую давность, отклоняя доводы истца о том, что течение срока не началось из-за длительного отсутствия информации о личности ответчика [4].

Изложенное послужило причиной для обновления в 2013 году нормы п. 1 ст. 200 ГК РФ [5], в которой теперь, помимо критерия осведомленности о факте нарушения права, прямо отражено, что срок исковой давности начинает течь в том числе после того, как истцу стало известно "о том, кто является надлежащим ответчиком по иску" о защите нарушенных прав.

Польза такого правового решения очевидна, в особенности при рассмотрении такой распространенной категории споров как дела о взыскании неосновательного обогащения в виде ошибочно перечисленных денежных средств посредством совершения банковских переводов либо по делам о взыскании ущерба, причиненного имуществу в результате ДТП (в случаях, когда виновник происшествия скрылся и долгое время оставался не известным истцу). При этом такие подходы уже обоснованно применяются в реальной судебной практике.

Например, в Апелляционном определении Московского городского суда от 22.10.2024 коллегия судей указала следующее: "... судебная коллегия не может согласиться с доводами ответчика о пропуске истцом срока исковой давности, поскольку Р. 27.05.2016 скрылась с места ДТП, органом ГИБДД проводилось административное расследование, и о том, кто является виновником ДТП и надлежащим ответчиком по делу истцу стало достоверно известно не ранее составления протокола об административном правонарушении от 27.07.2016..." [6].

Помимо вышеизложенного, представляется возможным отметить обоснованность применения на практике иных критерии, учет которых также позволяет в ряде случаев приходить к более оптимальному решению об определении момента начала течения исковой давности.

В частности, следует признать, что возможны ситуации, при которых истцу известно о факте нарушения его прав, например, путем причинения ему убытков, равно как и известна личность ответчика, к которому следует предъявить иск, однако сама возможность эффективно осуществлять свою защиту прав может отсутствовать по причине невозможности определения точной суммы причиненных убытков (например, при необходимости проведения длительных судебных экспертиз либо финансового анализа – в особенности для целей определения размера убытков в форме упущенной выгоды).

Примечательно, что данный критерий также был воспринят судебной практикой, согласно которой невозможность установления точного размера сумм денежных средств, подлежащих взысканию в пользу истца, отодвигает момент начала течения срока исковой давности.

Например, в Постановлении по делу № А60-4946/2021 Арбитражный суд Уральского округа указал: "... суд апелляционной инстанции сделал правильный вывод о том, что течение срока исковой давности не могло состояться ранее момента, после которого стало достоверно известно <...> о размере сумм, подлежащих взысканию в качестве имущественных потерь кредитора - покупателя имущества" [7].

Представляется возможным отметить, что, несмотря на верность общей направленности вышеуказанного подхода как благоприятствующего положению истцов, испытывающих препятствия к предъявлению иска, имеется возможность привести некоторые контраргументы, свидетельствующие о возможности решить проблему на практике несколько иным способом.

Прежде всего, следует признать, что даже до точного определения размера причиненных убытков, потерпевший не лишен самой процессуальной возможности предъявить иск, обозначив в нем сам факт неизвестности точной суммы убытков, указав в иске лишь их минимальную часть (даже 1 рубль), что не помешает увеличить размер исковых требований в последующем.

После такого предъявления иска существует множество иных практических приемов, позволяющих приостановить рассмотрение спора до определения состава и размера убытков – например, путем назначения судебной экспертизы с одновременным приостановлением производства по делу или неоднократным отложением судебного разбирательства.

При этом кажется верным, что, исходя из правила ст. п. 5 ст. 393 ГК РФ о том, что суд не может отказать во взыскании убытков в связи с невозможностью установления их достоверного размера, вероятнее всего, судья сам будет иметь высокую степень заинтересованности в том, чтобы не выносить судебное решение по предъявленному иску до сбора достаточной доказательственной базы, которой бы подкреплялся размер убытков.

Тем не менее, несмотря на вышеприведенные аргументы, судебная практика так во многих случаях придерживается позиции о том, что невозможность точного определения размера притязаний означает, что срок исковой давности не начал своё течение. В связи с этим, несмотря на отсутствие прямого закрепления

такого правила в законе, суды указывают на установление точного размера требований истца как на дополнительный критерий определения момента начала течения срока исковой давности.

Такое развитие восприятия судами института исковой давности возможно объяснить за счет стремления генерализовать общий принцип о том, что срок исковой давности не течет в случае, если у истца имеются препятствия к предъявлению иска, что получило отражение еще в правовых памятниках Древнего Рима (*contra non valentem non currit praescripto*, что можно перевести как "давность не течет против того, кто юридически неспособен обратиться к судебной защите") [8].

Например, в недавнем Постановлении по делу № А45-25570/2023 [9] Арбитражный суд Западно-Сибирского округа указал, что по смыслу закона обстоятельством, имеющим значение для целей исчисления срока исковой давности, является "объективная возможность обращения лица за судебной защитой", что может быть затруднено рядом препятствий, который, однако, прямо не указаны в законе в качестве критерии определения момента начала течения давностного срока.

Представляется, что такое расширенное представление о том, какие обстоятельства препятствуют истцу предъявить иск и, соответственно, должны отодвигать момент начала течения срока исковой давности, могут привести к возникновению в практике опасных тенденций к чрезмерно либеральному подходу к вопросу определения момента начала течения срока исковой давности при предоставлении истцом обоснования того, что он был лишен возможности обратиться с иском. Например, истец может заявить о существовании причин, препятствующих его обращению к судебной защите, которые с меньшей долей уверенности могут быть признаны объективными и непреодолимыми, например болезнь либо отсутствие денежных средств для оплаты услуг юристов и уплаты государственной пошлины. Очевидно, что ссылка на такого рода субъективные личные причины потерпевшего способны подорвать институт исковой давности и значительно снизить уровень правовой определенности и предсказуемости в гражданском обороте.

Оптимальным кажется решение, при котором конкретные критерии, являющиеся оптимальными для целей определения моментов начала течения срока исковой давности, были бы прямо закреплены в тексте п. 1 ст. 200 ГК РФ или, как минимум, детально описаны на уровне Постановления Пленума Верховного Суда РФ, что позволило бы судам не допускать отказ в применении исковой при отсутствии реальных препятствий для обращения истца за судебной защитой.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Аргументирована недостаточность использования критерия осведомленности уполномоченного лица о факте нарушения его прав в качестве единственного обстоятельства, определяющего момент начала течения срока исковой давности.

Продемонстрировано, что недостаточность критерия осведомленности о факте нарушения права привело к развитию законодательства и судебной практики, в результате чего были дополнительно разработаны критерий осведомленности истца о личности ответчика, а также критерий наличия у истца возможности определения точного размера притязаний к ответчику. Анализ судебной практики показал, что данные критерии учитываются судами при определении момента начала течения срока исковой давности.

Обосновано, что появление новых критериев определения момента начала течения исковой давности связано с генерализацией общего принципа о неприменении исковой давности в отношении лица, не способного обратиться за судебной защитой. В то же время приведены аргументы в пользу недопустимости внедрения чрезмерно широкого перечня критериев определения момента начала течения срока исковой давности, что может навредить гражданскому обороту, подорвав заложенные в институте исковой давности принципы стабильности и предсказуемости правоотношений.

Предложено закрепить критерии определения момента начала течения срока исковой давности либо их признаки на уровне Гражданского Кодекса РФ либо разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Список источников

1. Щенникова Л.В. О материально-правовом институте исковой (погасительной) давности и гражданско-процессуальном праве на иск // Вестник гражданского процесса. 2017. № 5. С. 12 – 28.
2. Байбак В.В., Бевзенко Р.С., Будылин С.Л. и др. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. [Электронное издание. Редакция 1.0] 1264 с.
3. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 02.02.2011 по делу N A70-8545/2010 // СПС "Консультант Плюс".
4. Решение Кировского районного суда города Самары от 09.10.2012 // СПС "Консультант Плюс".

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. N 238-239. 08.12.1994.
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 22.10.2024 по делу N 33-15420/2024 // СПС "Консультант Плюс".
7. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.04.2023 N F09-547/22 по делу N A60-4946/2021 // СПС "Консультант Плюс".
8. Гrimm D.D. Лекции по догме римского права: Пособие для слушателей. Pg., 1916. С. 147.
9. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.03.2025 N F04-68/2025 по делу N A45-25570/2023 // СПС "Консультант Плюс".

References

1. Shchennikova L.V. On the substantive legal institution of the limitation period (extinguishing) and the civil procedural right to claim. Bulletin of Civil Procedure. 2017. No. 5. pp. 12 - 28.
2. Baibak V.V., Bevzenko R.S., Budylin S.L. et al. Transactions, representation, limitation period: article-by-article commentary to Articles 153-208 of the Civil Code of the Russian Federation. Ed. A.G. Karapetyan. Moscow: M-Logos, 2018. [Electronic publication. Edition 1.0] 1264 p.
3. Resolution of the Eighth Arbitration Court of Appeal dated 02.02.2011 in case No. A70-8545/2010. SPS "Consultant Plus".
4. Decision of the Kirovsky District Court of Samara dated 09.10.2012. SPS "Consultant Plus".
5. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 N 51-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 238-239. 08.12.1994.
6. Appellate ruling of the Moscow City Court dated 22.10.2024 in case No. 33-15420/2024. SPS "Consultant Plus".
7. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 26.04.2023 No. F09-547/22 in case No. A60-4946/2021. SPS "Consultant Plus".
8. Grimm D.D. Lectures on the Dogma of Roman Law: A Handbook for Listeners. Pg., 1916. P. 147.
9. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 11.03.2025 No. F04-68/2025 in case No. A45-25570/2023. SPS "Consultant Plus".

Информация об авторе

Дахов Ю.В., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, d_aspirant@rambler.ru

© Даход Ю.В., 2025